

Т. И. ВЕНДИНА

АНТРОПОЛОГИЯ
ДИАЛЕКТНОГО
СЛОВА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Т. И. ВЕНДИНА

АНТРОПОЛОГИЯ
ДИАЛЕКТНОГО
СЛОВА

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2020

УДК 81' 28
ББК 81.2 Рус
В29

Рецензенты:

член-корреспондент РАН С. А. Мызников;
доктор филологических наук, профессор Е. В. Брысина;
доктор филологических наук, профессор В. И. Супрун

Вендина Т. И.

В29 Антропология диалектного слова / Ин-т славяноведения РАН. — М. ;
СПб. : Нестор-История, 2020. — 684 с.

ISBN 978-5-4469-1776-1

DOI: 10.31168/4469-1776-1

Монография находится в русле исследований по когнитивной диалектологии. Используя различные методы исследования, автор обращается к диалектному слову с целью описания процесса его антропологизации. Автор стремился показать, как человек мыслит, чувствует, эмоционально реагирует и действует в рамках русской традиционной духовной культуры. Книга предназначена для лингвистов, историков, этнографов, культурологов, а также для широкого круга читателей, интересующихся русским языком и культурой.

The monograph belongs to the studies in cognitive dialectology. Using different research methods, the author appeals to the dialect word in order to describe the process of its antropologization. The author aims to show how the person thinks, feels, emotionally reacts and acts in the frames of the Russian traditional spiritual culture. The book is intended for linguists, historians, ethnographers, culturologists and also for the wide range of readers interested in the Russian language and culture.

УДК 81' 28
ББК 81.2 Рус

ISBN 978-5-4469-1776-1

© Т. И. Вендина, 2020
© Институт славяноведения РАН, 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Что бы мы ни делали, мы не можем порвать с действительностью..., потому что ее обитель – язык. А это информационное растение пустило корни и в мире, и в человеке. Мироздание запечатлело свои законы в человеческом языке при самом его зарождении. Язык мудрее любого из нас» (С. Лем «Глас Господа»)

Конец XX века в лингвистике ознаменовался важнейшим методологическим сдвигом, практически «полной сменой ее парадигмы» (Р.М. Фрумкина), поскольку она перешла на новую, антропоцентрическую парадигму исследования, обращенную к изучению «души языка», т.е. опредмеченному в нем мировидению человека, его сознания и мышления. В центре внимания ученых все чаще оказывается триада *язык – культура – человеческая личность*. От расплывчатого и довольно туманного гумбольдтовского «духа народа» (ср., например, известную его формулу: «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык» В. фон Гумбольдт 1984: 68), укорененного в его чувствах и эмоциях, современная лингвистика обратилась к изучению языкового сознания человека.

Лингвистика превратилась в полипарадигмальную науку, отличительной особенностью которой стал ее экспансионизм, поскольку стало очевидным, что для адекватного познания языка необходимы выходы за его пределы – в философию, логику, культуру, психологию, социологию, этнологию, историю, культурную антропологию и др. области гуманитарного знания. Поэтому современную ситуацию в лингвистике отличает многообразие научных направлений, концепций, теорий в стремлении познать язык не только «в самом себе и для себя» (Ф. де Соссюр), но и как средство понимания человека и того мира, в котором он существует. На наших глазах происходит формирование новой конвергентной традиции мультидисциплинарных исследований, отличительной особенностью которых является антропоцентризм, функционализм и экспланаторность.

Из лингвистики «имманентной», лингвистики «в самой себе и для себя» она превратилась в «зачем/почему-лингвистику» (А.Е. Кибрик), ло-

гика развития которой требует реализации общей программы антропоцентрической лингвистики – «найти доступ к Человеку через язык».

Исходный тезис антропоцентрической лингвистики заключается в том, что язык есть конститутивное свойство человека. В формулировке Э. Бенвениста этот тезис гласит: «Невозможно вообразить человека без языка и изобретающего себе язык... В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» (Бенвенист 1974: 293). Отсюда следует, что познание человека невозможно без изучения его языка, понять природу языка можно лишь исходя из человека. При этом, если следовать идеям Э. Бенвениста, высшим уровнем языка в самой широкой его семиотической трактовке следует признать культуру, которая в основе своей так же семиотична, как и язык, поэтому без привлечения культуры язык не может быть осмыслен глубоко и полно.

В связи с этим изменился «антропоцентрический дискурс гуманитарных дисциплин... Если ранее о человеке говорилось как «о мере всех вещей», то теперь он определенно становится «мерой науки» о языке, литературе, истории, искусстве (Софронова, Куренная 2013: 5). И в этом превращении лингвистики в интерпретационную лингвистику особая роль принадлежит когнитологии.

Перед лингвистикой открылось новое поле исследований, связанных с герменевтическим изучением языка. Они позволяют перейти от эмпирических данных к их интерпретационному анализу, т.е. подняться с уровня регистрации фактов на уровень их объяснения. Выход лингвистики в герменевтическое пространство языка открывает сокрытые смыслы языка той или иной культуры и дает ключ к пониманию того, «каким умом построен наш язык» (Бибихин 2008: 34).

Стремление дать языковым фактам культурологическое, этнопсихологическое, историческое объяснение позволило соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и тем опытом, который они в качестве структур знания отражают. Так постепенно пришло осознание того, что только язык может дать истинную картину языкового сознания человека той или иной культуры со всеми ее сложностями и нюансами.

Благодаря когнитивной лингвистике утвердилась идея социальной детерминированности данных языка, а именно то, что «чистый факт и незаинтересованный глаз – просто миф. Когда глаз за работой, он в плену своего прошлого, старых и новых зависимостей, приходящих из мозга, сердца и ушей. Не только способ, но и сам объект видения регулируется

нуждами и предпочтениями. Глаз отбирает, отталкивает, организует, классифицирует, анализирует и конструирует. Он не столько отражает, сколько собирает и разрабатывает, ничего не видит «раздетым», без каких-либо атрибутов... Так называемые «факты» всегда сформированы той или иной версией мира» (Goodman 1968 цит. по: Реале, Антисери 1997: 723).

Поэтому осмысление языка культуры (как, впрочем, и естественного языка) начинается, как правило, с изучения его словаря, поскольку именно словарь определяет логико-понятийную сеть языка, лексика которого является самым чувствительным индикатором культуры. «Если словарь народа, – писал крупнейший социолог языка, основатель европейской школы неогумбольдтианства Й.Л. Вайсгербер, – является суммой и результатом понятийной переработки им своего опыта, то исследование словаря служит в первую очередь постижению понятийного мира этого народа» (Вайсгербер 1993:143). Особенно ярко категориальность культуры обнаруживается в словах, ставших ключевыми для языкового сознания той или иной эпохи. Эти слова, как правило, создают вокруг себя лексико-семантические поля с мощными коннотативными включениями, поскольку слово стремится не просто описать мир, но и объяснить его. Обратившись к изучению языка культуры, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью исследования слова либо с точки зрения его семантической структуры (ее разложимости на элементарные смыслы), либо с точки зрения его синтагматики (узусной или свободной сочетаемости), либо с точки зрения его внутренней формы, определения тех мотивационных признаков, которые были актуализированы в слове в языкотворческом акте, либо с точки зрения его коннотативных приращений и т.д.

При этом особо следует выделить внимание к внутренней форме слова, которая дает исследователю уникальную возможность – проследить движение мысли в акте номинации, услышать голос человеческой личности, познающей и осваивающей мир. Апелляция к внутренней форме слова позволяет понять те субъективные мотивы, которые послужили толчком для языкового словотворчества, и вместе с тем выявить общие закономерности мышления людей, принадлежащих к одной и той же эпохе, поскольку субъективные мотивы, как правило, репрезентируют более общие, объективные закономерности. Через внутреннюю форму слова нам дано явление смысла. Именно смысл является проводником человека в мире реальном и ирреальном, ибо смысл, как остроумно заметил М. Бахтин, – это тот или иной ответ на поставленный нами вопрос. То, что ни на

какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла, а потому, добавим, не номинируется, так как коллективный разум «не видит» того, что не названо словом. А поскольку «смысл никогда не ограничивается “пространством” одного слова, даже если оно носитель этого смысла по преимуществу» (Топоров 1992: 16), то одни участки семантической системы языка оказываются детально проработанными в языковом плане, другие – довольно поверхностно, а на третьих вообще обнаруживаются лакуны. Действие принципа разной культурной разработанности частных смыслов и позволяет понять тончайшие нюансы глубинных смыслов языка.

Именно поэтому слово представляет собой культурное творение, которое нельзя объяснить, не обращаясь к истории народа, его традициям и религии. Вот почему для понимания русской культуры чрезвычайно важным является обращение к языку традиционной (или крестьянской) духовной культуры как наиболее устойчивой и консервативной, отсылающей к истокам нашей национальной культуры. Ведь «диалект представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую», – говорил Н.И. Толстой, отмечая высокий культурологический потенциал диалектного слова (Толстой 1995: 21).

Однако в контрастивных исследованиях, направленных на выявление своеобразия русского языка, этот аспект часто недооценивается. Внимание исследователя сосредоточено в основном на фактах литературного языка, т.е. языка элитарной (книжной) культуры¹. Между тем «среди всех разновидностей этнического языка наиболее «продвинутой» по степени нивелирования генетически первичных свойств самобытности оказывается именно его литературная форма, максимально испытывающая на себе результаты контактов с другими языками, заимствований, иноэтнических культурных воздействий, регулирующего влияния общества с изменчивыми культурными ориентациями. Кроме всего прочего, степень

---

¹ «И это вполне естественно, – считает Е.Л. Березович, – при недостаточной методологической оснащенности антропологического языкознания исследователям очень важна поддержка собственной интроспекции, собственного языкового «слуха», а также «прозрачность» изучаемых фактов, их максимальная доступность анализу. Однако при этом неизбежны существенные потери: современные европейские литературные языки испытывают такое жесткое взаимовлияние, и особенно языков международных..., что очень сложно говорить об этническом своеобразии той картины, которая может быть получена в ходе анализа» (Березович 2007: 10).

этничности литературных языков обратно пропорциональна степени их распространенности в иноэтнической среде, ибо интенсивность употребления этих языков в качестве международных неуклонно ведет к нейтрализации их самобытной внутренней формы» (Тарланов 1995: 8).

Игнорируется также то обстоятельство, что в русской культуре, кроме элитарной, существует и народная (крестьянская) культура, которую представляют диалекты (подробнее см. Толстой 1999: 8). Именно они способны дать наиболее полное представление об этнической культуре русского народа. Если придерживаться взглядов В. фон Гумбольдта и исходить из того, что этническое видение мира предопределяется характером языка, то именно диалектный материал, не подвергшийся иноязычным влияниям и сохранивший свою самобытность должен лежать в основе исследований, направленных на выяснение этнического своеобразия культуры. Однако современная этническая традиционная культура русских – «своего рода “ископаемый реликт”, ибо семьдесят лет советской власти было посвящено вполне сознательному и планомерному искоренению традиционного мироощущения. Советская культура вобрала в себя идеологизированный вариант дворянской, т.е. освоенной иноэтнической, культуры, постепенно исключив из культурной социализации этническую культуру с ее обрядами, свадебными и поминальными “плачами”, с ее праздниками, которые разыгрывались как многоактные представления» (Сикевич 1996: 131).

Это языковое различие двух культур ощущалось уже в XIX в. Так А.С. Грибоедов, говоря о впечатлении от крестьянского пения на слушателей, принадлежащих «к классу полувропейцев», писал: «Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими..., народ, единокровный наш народ, разрознен с нами, и навеки. Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец..., он, конечно бы, заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами» (Лескинен 2016: 457)².

---

² См. также впечатления А.Н. Энгельгардта о различии двух культур в России: «Я встречал здесь помещиков, которые по двадцать лет живут в деревне, а о быте крестьян ... никакого понятия не имеют, более скажу – я встретил, может быть, всего только трех-четырех человек, которые понимают положение крестьян, понимают, что говорят крестьяне, и которые говорят так, что крестьяне их понимают» (Лескинен 2016: 421)

В XX веке положение усугубилось еще и тем, что языковая политика нашего государства, основные направления которой сформировались в 20-е годы, препятствовала научному изучению традиционной духовной культуры. Эпоха «строительства социализма» породила своеобразный социальный заказ, связанный с дискредитацией старых народных традиций, народной культуры и соответственно диалектов. Не случайно в Предисловии к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. Даля (М., 1935. Т. I. С. 14) интерес к изучению народного языка расценивался как реакционный, «тянувший язык к отсталым формам быта, к отсталой идеологии эксплуатируемых и невежественных масс».

Между тем именно в языке традиционной духовной культуры лежит то исконно русское, не замутненное западноевропейским влиянием, что определяет ее национальное своеобразие.

Нравственные установки, религиозная практика, обычаи и нравы русского народа, способы организации его труда и быта, особенности его мышления, чувствования и поведения, – все эти формы культурной традиции, социальной и культурной деятельности человека по-прежнему живут в языке традиционной духовной культуры, оказывая влияние на формирование ее концептосферы (подробнее см. Вендина 2007). Диалектный язык «насыщен переживаниями прежних поколений и хранит их живое дыхание» (В. фон Гумбольдт 1984: 71), более того, в диалектах сохранилось то лексическое богатство, которое оказалось утраченным в литературном языке. Вот почему диалектное слово выступает своеобразным «концентратом культуры нации» (Лихачев 1996: 28).

Поэтому сегодня, «в пору тяжелого, полубоморочного состояния русского языка, проявляющегося ... в очевидных признаках деформации ... и повреждении всей его смысловой структуры» (Топоров 1992: 16), необходимо преодолеть равнодушие к диалектному слову, оценить его глубину и мудрость, чтобы восстановить утраченные или полузабытые смыслы языка традиционной духовной культуры.

В этом отношении чрезвычайно полезной и продуктивной является работа диалектологов. В многочисленных работах по диалектологии исследуются самые разные аспекты языка традиционной духовной культуры – от микрокосма (см., например, работы, посвященные названию терминов родства, семейным отношениям, отдельным характерологическим особенностям человека, его воспитанию, социальному статусу и проч.) до макрокосма (см., например, работы, посвященные описанию различных участков семантической сферы «Природа»: названию грибов, ягод, трав, осо-

---

бенностям ландшафта, метеорологии и т.д.). В связи с этим закономерно встает вопрос, что объединяет все эти семантические сферы языка традиционной духовной культуры, является ли их существование в языке стихийным, хаотическим или оно подчинено некоему системному принципу? Что стоит за мозаикой лексико-семантических и тематических групп, существует ли какая-либо организованность в бесконечном разнообразии диалектных слов?

Ответ на этот вопрос найти не просто. Однако если исходить из того, что «культура живет и развивается в “языковой оболочке”, влияя на ее характер и состояние» (Кармин 1997: 86)³, то ответ на этот вопрос следует искать в самой этой оболочке, т.е. в языке традиционной духовной культуры. Тем более что «облеченная в языковую оболочку культура “говорит” с человеком и существует в непрестанном диалоге с ним» (Телия 1999: 92). Задача исследователя поэтому заключается в том, чтобы «прислушаться» к ее языку, ибо, по мысли немецкого философа Мартина Хайдеггера, не люди говорят «языком», а язык «говорит людям».

При этом каждая культура «говорит» на своем языке, словарный состав которого во многом определяется его культурной мотивацией, тем культурным содержанием, которое «связано с мировосприятием данного этноса/народа, ментальной категоризацией мира природы и общества, верованиями и/или верой (имеется в виду не только и не столько прямое дескриптивное выражение знаний и представлений о мире, например в виде основного мифа, но прежде всего скрытое, пронизывающее язык и речевые произведения преломление категориальных оснований культуры)» (Виноградов 2010: 462).

Не могу в связи с этим не сослаться на многочисленные работы диалектологов (Е.Л. Березович, Е.В. Брысиной, Е.Н. Ильиной, Н.Ю. Грибовской, В.Н. Гришановой, Т.А. Демешкиной, К.И. Демидовой, И.Б. Качинской, Н.А. Красовской, Е.А. Нефедовой, В.И. Супруна и др.), в которых диалект рассматривается как культурологический объект, и на конкретном языковом материале выявляются элементы культурной коннотации в семантике диалектного слова, осуществляется культурно-историческая интерпретация определенного фрагмента языковой картины

---

³ Иногда эта мысль приобретает полемически заостренный характер, ср., например, точку зрения В.С. Библера, который указывал на тождественность русского национального сознания с русским языком (Библер 1993). Связь эта, без сомнения существует, но, наш взгляд, она носит более сложный, опосредованный характер.

мира диалектоносителей, т.е. эти работы убедительно доказывают, что при описании той или иной культуры следует исходить из данных языка этой культуры.

Апелляция же к мнениям и оценкам каких-либо авторитетов из области литературы или философской мысли является мало убедительной, поскольку это всегда взгляд со стороны, который отличается субъективизмом, ср. в связи с этим мнение известного русского мыслителя и общественного деятеля И.Л. Солоневича, который говорил, что «психология народа не может быть понята по его литературе. Литература отражает только отдельные клочки национального быта – и, кроме того, клочки, резко окрашенные в цвет лорнета наблюдателя. Так, Лев Толстой, разочарованный крепостник, с одной стороны, рисовал быт русской знати, окрашенный в цвета розовой идеализации этого быта, и с другой – отражал чувство обреченности родного писателю слоя. Ф. Достоевский – быт деклассированного и озлобленного разночинца... А. Чехов – быт мелкой интеллигенции... М. Горький – социал-демократического босяка. ... Русскую психологию характеризуют не художественные вымыслы писателей, а реальные факты исторической жизни. **Литература всегда является кривым зеркалом народной души.** Наша литература в особенности, ибо она родилась в эпоху крепостничества, достигла необычайной технической высоты и окрасила все наши представления о России в заведомо неверный цвет» (Солоневич 2010: 340).

Продолжая мысль И.Л. Солоневича, следует сказать, что адекватная характеристика психологии, мировоззрения народа и соответственно его культуры может быть получена только с опорой на данные языка. Будучи инструментом культуры, язык формирует не только представления о реальном окружающем человека мире, но и саму личность. Погружаясь в определенную культурную наследственность, благодаря нравственной валентности памяти она через язык воспринимает традиции, обычаи, мораль, систему норм и ценностей своего народа, специфический культурный образ мира, осознавая постепенно и свое место в нем. Так через язык происходит «оживление» культурно-исторического опыта, формирование культурной идентичности субъекта, его самоотождествление с идеями, ценностями, традициями своей культуры.

Поэтому именно язык может дать истинную картину языкового сознания человека той или иной культуры со всеми ее сложностями и нюансами. А это значит, что необходимо отрешиться от навязываемых оценок и проникнуть в самую идеологию языка. Тем более что успехи когнитивно-ориентированной лингвистики говорят о том, что «языковая структура в принципе не произвольна, напротив, она существенно мотивирована уст-

---

ройством когнитивной структуры, которая «отражается» в зеркале естественного языка» (Кибрик 2008: 75). Более того, сама логика развития *зачем/почему-лингвистики* требует реализации общей программы антропоцентрической лингвистики – «найти доступ к Человеку через язык».

Но как получить эту истинную картину? Ведь она не лежит на поверхности языка. Даже носитель языка не всегда догадывается о ее существовании, а тем более о ее нюансах. При этом каждый язык (и даже один и тот же язык, но в разных своих «ипостасях») будет иметь свой взгляд на мир и, соответственно, на человека.

Ответ на этот вопрос может быть только один – **реконструкция** с опорой на данные языка. Задача эта чрезвычайно сложная и трудоемкая.

Находясь в рамках того или иного языка, исследователь, несомненно, почувствует то восприятие человеком мира и самого себя, которое стихийно отразилось в языке. Поэтому опора на языковые средства позволит избежать субъективности в оценке человека и его культуры и в известном смысле «реконструировать» культурные смыслы и духовные ценности человека. В этой связи представляется чрезвычайно продуктивным использование субстратного подхода к диалектному слову. В сочетании с дескриптивно-классифицирующим методом описания материала он может служить надежной основой для реконструкции языкового сознания человека традиционной духовной культуры.

Субстратный подход к диалектному слову носит в известной степени условный характер и имеет своей целью лишь заострить саму идею, которая имплицитно присутствует во многих работах последнего времени, посвященных описанию слова в контексте языка той или иной культуры. Он предполагает обращение к диалектному слову в плане выявления, с одной стороны, его внутренней формы и значения, а с другой – того духовного начала, тех этнокультурных императивов, которые привели к актуализации данной формы, т.е. в конечном итоге – к познанию «бессознательной духовности» народа, которая лежит в основе его культуры, ибо связь языка, а точнее его зависимость от сознания и культуры и создает тот культурный субстрат, в котором он живет и развивается.

Разнородный, на первый взгляд, и довольно пестрый лексический материал при субстратном подходе к нему позволяет проследить движение мысли в акте номинации, услышать голос человеческой личности, познающей и осваивающей мир, ибо «человек обречен жить в культуре так же, как он живет в биосфере» (Лотман 1992: 9), и язык любой культуры воссоздает, прежде всего, его образ.

Используя дедуктивно-индуктивную технику анализа, следуя за всеми нюансами языковой формы, мы сможем найти объяснение устройству многих когнитивных структур, и то, что, на первый взгляд, казалось случайным и произвольным в номинации предметов и явлений внешнего мира, обретет свой глубокий смысл. Благодаря такому подходу мы сможем перейти от эмпирического метода когнитивно-ориентированной лингвистики к методу интерпретационного анализа, подняться с уровня регистрации фактов на уровень их объяснения.

Но, как и в чем искать конкретное основание пугающе пестрого и разнородного материала при описании языка традиционной культуры? Думается, что его основой является с м ы с л, значение его единиц.

Человек живет в пространстве смыслов. И язык, и культура есть результат действия законов смыслообразования. «Именно принадлежность к единому смысловому пространству объединяет повседневную жизнь отдельного человека и историческую практику, интеллектуальную рефлексию и бессознательную память социального коллектива, а также великое множество иных проявлений человеческой активности в сплошной континуум культуры» (Пелипенко 1998: 19).

При этом «системообразующий смысл» (Апресян 1995: 42) характеризуется многообразием обличей и единообразием проявлений. Пребывание в мире смыслов обрекает человека на языкотворчество, механизм которого включается всегда избирательно, когда в субъектно-объектных отношениях присутствует элемент необходимости. Эта необходимость и дает возможность понять, **что** было важным для языкового сознания человека, ибо, чем важнее для человека понятие, тем шире и глубже языковое пространство, раскрывающее его. Застывая в завершенных номина-структурах, смыслы опредмечиваются, организуя ментально-культурное пространство языка, ключ к освоению которого содержится в ответах на вопрос, для чего существует то или иное явление, почему оно стало предметом актуализации в акте словотворчества, т.е. характер номина-структуры во многом задается чертами самого человека, особенностями его восприятия, интерпретации и оценки мира. Поэтому язык ничего не придумывает, а лишь выражает глубинные смыслы бытия.

Сознавая, что объективность не может быть полностью свободна от субъективности, мы хотели бы все-таки отметить, что уровень объективности (этно)культурной информации, извлекаемой исследователем из языка, во многом зависит не только от выбора стратегии научного поиска, но и от самого языкового материала, ибо «степень объективации знания, отраженного в языке, – как совершенно справедливо замечает Е.Л. Березович, – определяется коэффициентом устойчивости (воспроизводимости,

---

моделируемости) соответствующих языковых структур. Естественно, что наиболее объективированным следует считать то знание, которое «срастается» с самой устойчивой, субстанциональной частью языка – языковой формой. Это знание дает внутренняя форма языковых единиц – отсюда классическое понимание ее как объективного, ближайшего значения слова» (Березович 2000: 34). И далее автор выстраивает следующую «иерархию» языковых носителей концептуальной информации, отражающую снижение объективности и нарастание субъективных моментов при трансляции этой информации: внутренняя форма; деривационные связи; концептуальное ядро значения; коннотация; типовая (узуальная) сочетаемость; парадигматические связи (синонимия, антонимия и т.п.); «свободная» текстовая сочетаемость; ассоциативные связи. Порядок следования выделенных сфер, по мнению Е.Л. Березович, в определенной степени условен, но важна сама логика движения от центра к периферии, от системно-языкового содержания к информационному фону, сопутствующему слову, поэтому, чем ближе к периферии, тем больше снижение объективности и нарастание субъективных моментов при трансляции этой информации.

Совершенно очевидно, что в этом перечне языковых носителей культурной информации внутренней форме слова отдается предпочтение, однако именно внутренняя форма оказывается часто менее всего востребованной исследователями при реконструкции языкового сознания, и изучение внутренней формы производного слова находится на периферии лингвистических интересов. Такая ситуация объясняется во многом тем, что в отечественном языкознании прочно утвердился тезис о произвольности, случайности выбора мотивационного признака в акте номинации (отсюда концентрация внимания в основном на концептуальном анализе, имеющем своей целью выявление глубинных культурных коннотаций). Думается, однако, что возможности ономаσιологического анализа в плане выявления национально-культурной специфики языковых единиц еще далеко не исчерпаны, а устойчивая повторяемость одного и того же мотивационного признака в разных видах номинации свидетельствует против произвольности, а тем более случайности его выбора.

Кроме того, при изучении ассоциативно-вербальных сетей или «свободной» текстовой сочетаемости необходимо «делать поправку на индивидуальный характер некоторых контекстных пар, которые не верифицируются таким социально детерминированным фильтром, как система языка» (Березович 2007: 126). Поэтому обращение к слову (а точнее к внутренней форме слова) позволит избежать фактора субъективности.

Будучи продуктом мыслительной деятельности человека, слово сохраняет формы «перехода» действительности в мышление (ср. известное Гумбольдтовское определение слова: «Слово – не эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речевторческим актом в конкретный момент изобретения слова; именно здесь главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета... Поистине язык представляет нам не сами предметы, а лишь понятия о них...» (В. фон Гумбольдт 1984: 130). Поэтому ономаσιологический подход к изучению слова имеет своей целью «дать языку высказать себя, показать скрываемый смысл» (Топоров 1992: 23).

Исследование вопроса, что и как маркируется в языке, подскажет, почему маркируется, причем именно так, а не иначе, т.е. в конечном итоге – что является значимым в языке культуры⁴. Если же принять во внимание устойчивость и повторяемость языковых актов как одну из форм проявления коллективного бессознательного культурной памяти, то можно выявить «сокрытые смыслы» и ценностные ориентации языка культуры, поскольку механизмы этой устойчивости мотивируются культурными механизмами, благодаря чему и происходит «вплетение» культурной семантики в языковую. Отсюда понятно, почему для лингвиста ключом к исследованию многослойного мыслительного универсума любой культуры является язык, ведь именно он формирует понятия и организует восприятие в связную картину мира, причем, чем важнее в культурном отношении понятие, тем более детально оно параметризовано.

При этом следует помнить, что степень достоверности исследования во многом определяется не только выбором стратегии научного поиска, но и самим материалом и прежде всего его объемом (напомню слова Гумбольдта: “По разрозненным элементам языка нельзя познать того, что есть высшего и тончайшего в языке” (Гумбольдт 1984: 70). Проникнуть во внутреннюю форму языка, в глубины его культуры возможно лишь в том

---

⁴ Не могу в связи с этим не привести слова Е.Л. Березович, которая, говоря о параметрах этнолингвистической интерпретации семантических полей, предлагает к обсуждению следующие вопросы: «Какой логикой руководствуется язык при отборе явлений действительности для семантизации (т.е. что подвергнуто маркировке, а где отмечаются лакуны)? Какое место занимают различные смыслы и группы смыслов в общей системе и каков их «удельный вес» (т.е. какова дистрибуция смыслов, какие из них подвергаются означиванию чаще и разнообразнее, чем остальные)? Как определяется разработанность смысла или группы смыслов относительно других (т.е. какова конфигурация, контуры, глубина, нюансировка, степень детализации, «этажность», смыслов в системе?» (Березович 2007: 50).

случае, если изучаются не единичные, произвольно выбранные слова (логично укладываемые в концепцию исследователя), а весь корпус словаря, что позволит избежать субъективности в оценке и отборе материала и обеспечит достоверность и надежность выводов, т.е. **необходим системный подход** к изучению слова.

Культурная информация, существующая в языке большей частью в непроявленном, латентном состоянии, при системно-функциональном подходе к описанию слова (при котором слово рассматривается в ментально-культурном языковом контексте и анализ его сродни герменевтическому анализу, позволяющему извлечь из него разнотипную информацию) неминуемо должна проявиться, так как любой языковой акт является одним из средств языковой концептуализации картины мира. Избирательность мотивационных признаков, актуализируемых в номинативном акте, и есть тот ключ, который позволит открыть «сокрытые смыслы» языка любой культуры.

Системный подход к описанию языка традиционной культуры требует моделирования его семантических полей на основе идеографической классификации лексики, учета уровня проработанности его отдельных участков (словесных репрезентаций на единицу смысла), исследования парадигматических и синтагматических связей слов, анализа их деривационных гнезд (так как в дериватах часто конкретизируются смыслы, представленные в опорном слове), изучения коннотаций слов, внимания к лексике соседних полей, поскольку смысловые нити не обрываются на границах семантического поля, а находят продолжение в словах, принадлежащих соседним полям и т.д.

Кроме того, системный подход к описанию языка традиционной духовной культуры предполагает и описание семантико-символической парадигмы ключевых слов. Этот метод успешно используется в работах по этнолингвистике и диалектному словообразованию (см., например, работы С.М. Толстой (1989), Т.И. Вендиной (1999)). Построенная на основе общности мотивировочного признака и представляющая собой мотивационный лексический ряд, в котором могут объединяться функционально разнородные значения, семантико-символическая парадигма предстает в виде «текста», позволяющего проникнуть в глубинные основы языкового сознания народа. Это связано с тем, что «стоящие за вербальным рядом идеи и представления не могут без остатка «влиться» в значение одного слова, не отражаясь так или иначе в значениях его антонимов, синонимов и когипонимов, в деривационных связях, в текстовой «валентности» (Березович 2007: 11). Поэтому, видя перед собой множество словообразователь-

ных моделей, репрезентирующих название той или иной реалии, исследователь с помощью словообразовательного анализа, при котором учитываются структурно-семантические отношения, возникающие между производящим и производным словом, может выявить общие закономерности номинации реалий, выполняющих одну и ту же или разные функции, но имеющих определенную связь с одним и тем же исходным понятием, т.е. в центре внимания исследователя оказывается, с одной стороны, корневая морфема, а с другой – архисема, которая актуализируется в дериватах с этой корневой морфемой.

Однако главное – системный подход позволит понять тот регулятивный принцип языка традиционной духовной культуры, который организует всю понятийно-логическую концептосферу этой культуры, управляет ее языком, ценностями, схемами их восприятия, поскольку «каждая из больших культурных систем и суперсистем зиждется на какой-то основной предпосылке, получившей выражение в философском принципе, прасимволе или конечной ценности, которые цивилизация порождает, развивает и реализует на протяжении своего жизненного пути во всех своих основных компонентах или подсистемах» (Сорокин 1992: 48).

***

Название книги «Антропология диалектного слова» указывает на то, что она находится в русле антропоцентрической (или когнитивно-ориентированной) лингвистики как составной части культурной антропологии, «занимающейся изучением культуры в самых разных аспектах, используя методы, концепты, данные археологии, этнографии, этнологии, фольклористики и лингвистики для описания и анализа образа жизни различных народов мира» (Васильев 2002: 11). Предметом ее внимания является широкий круг проблем, среди которых взаимосвязь общества и природы, хозяйство и материальная культура, особенности картин мира различных культур, изучение их ценностных ориентаций, семиотические аспекты культур, поведенческие системы, системы воспитания и т.д. (подробнее см. Лурье 1997: 8-9). Культурная антропология «не просто снабжает нас знанием о мире – о людях и обществах, к которым они принадлежат. Она идет дальше – она воспитывает в нас определенное восприятие мира, открывая нам глаза на возможность иных способов бытия, чем наш собственный» (Тишков 2018: 15).

Само название книги имеет своей целью обозначить идею, которая имплицитно присутствует во многих работах последнего времени, посвященных описанию слова в контексте языка той или иной культуры. Антропологический подход к изучению диалектного слова, исследующий

проявления «человеческого духа» в языке, предполагает глубинное постижение языка традиционной духовной культуры как культурологического феномена. В связи с этим автор стремился показать, как человек мыслит, чувствует, эмоционально реагирует и действует в рамках традиционной духовной культуры, ибо, по словам М. Хайдеггера, «сущность человека покоится в его языке». Применение антропологического подхода к описанию диалектного слова позволило исследовать такие проблемы, как язык и духовная деятельность человека, его отношение к окружающему миру, язык и сознание, язык и культура, язык и поведение человека, язык и ценности традиционной культуры и др.

В основе монографии лежит субстратный подход к описанию диалектного слова, который в сочетании с дескриптивно-классифицирующим методом стал надежной основой для реконструкции переживающего *я*-сознания человека традиционной культуры.

Материалом для исследования послужили различные лексикографические источники – многочисленные диалектные словари, среди которых следует отметить, прежде всего, «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, а также крупнейший диалектный компендиум «Словарь русских народных говоров». В основе монографии лежат также материалы диалектного словаря М.А. Алексеенко и О.И. Литвинниковой «Человек в производных именах русской народной речи», публикация которого существенно облегчила сбор и осмысление материала.

Книга является итогом многолетних исследований автора, посвященных русской традиционной духовной культуре. В основе ее лежат многочисленные статьи и доклады автора, в которых он стремился показать, как происходит процесс антропологизации диалектного слова.

Монография состоит из пяти глав: первая глава посвящена описанию человека, вторая глава – описанию природы в диалектном слове, третья глава – философии диалектного слова, четвертая глава – ценностям традиционной духовной культуры и пятая глава – описанию регулятивного принципа языка традиционной духовной культуры, в заключении содержатся основные выводы.

В книге получили освещение лишь отдельные сюжеты, связанные с философским и ценностным осмыслением диалектного слова. Поэтому данное исследование является лишь подступом к заявленной теме, началом той большой работы, которую еще предстоит провести ученым с целью постижения подлинной сущности нашей культуры. Думается, что «когнитивная диалектография может стать существенным вкладом в осуществлении мечты великого В. фон Гумбольдта выявить понятийные тро-

пы, которыми с разных сторон бредут к познанию объективной истины народы» (Радченко, Закуткина 2004: 45).

Это особенно важно сегодня, «когда сами события с неумолимостью ведут нас к осознанию того, что мы живем в условиях опасного смешения элементов культуры и бескультурия, поэтому нам надлежит – хотим мы того или нет – попытаться определить сущность *подлинной* культуры» (Швейцер 1973: 51). Думается, что детальное изучение этой проблемы позволит нам лучше понять истоки нашей культуры, и найти ответ на вопрос, *кто мы, откуда мы, для чего живем и куда идем?*

Автор выражает глубокую признательность своим коллегам и рецензентам, высказавшим ему конструктивные замечания и предложения, которые он постарался учесть в ходе работы над книгой.

ГЛАВА 1

ЧЕЛОВЕК В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВЕ

Выражается сильно российский народ! И если наградит кого словом, то пойдет оно ему в род и потомство... Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово (Н.В. Гоголь «Мертвые души»)

В.И. Даль в своем знаменитом «Толковом словаре», в словарной статье *человек* выделяет четыре типа человека, а именно: «человека *плотского*, едва отличающегося от животного, с пригнетенным духом; человека *чувственного*, природного, признающего лишь вещественное и закон гражданский, о вечности не помышляющего и в искус впадающего; человека *духовного*, по вере своей в добро и в истину, цель его – вечность, закон – совесть, в искус побеждающего; человека *благодатного*, постигающего по любви своей веру и истину, цель его – царство Божие, закон – духовное чутье, искушения презирающего» (Даль IV: 588). На чем основывалась эта тетрарная классификация В.И. Даля – на его личном опыте или на материале словаря? Представляется, что в ее основе лежали его собственные жизненные наблюдения, так как в этнографии XIX в. господствовали методы внешнего наблюдения, тогда как технология извлечения культурных смыслов из словаря была разработана лишь в XX в.

Для верификации этого определения необходимо решить проблему реконструкции языкового сознания человека традиционной культуры. И единственно надежным инструментом для реализации этой цели является язык. Не случайно В.О. Ключевский, предваряя свои лекции по истории России, обращался к своим слушателям со следующими словами: «Слово – это не случайная комбинация звуков, не условный знак для выражения мысли, а творческое дело народного духа, плод его поэтического творчества. Это художественный образ, в котором запечатлелось наблюдение народа над самим собой и над окружающим миром» (Ключевский 1987 I: 39).

Именно язык формирует понятия и организует многослойный мыслительный универсум в связную картину мира, которая в разных культурах моделируется, естественно, по-разному. Не случайно от историков культуры все чаще исходит призыв “деконструировать” или, иначе говоря, заново обдумать словесный состав нашего знания (Очерки: 142), поскольку дорогу к познанию человека, истории его культуры пролагает, прежде всего, язык.

Только язык позволяет исследователю увидеть и понять человека «изнутри», поскольку ничто не входит в язык иначе, как через слово. Обосновывая этот тезис, Н.Д. Арутюнова остроумно замечает: «Если Бог создал человека, то человек создал язык – величайшее свое творение. Если Бог запечатлел свой образ в человеке, то человек запечатлел свой образ в языке. Он отразил в языке все, что узнал о себе и захотел сообщить другому. Человек запечатлел в языке свой физический облик, свое внутреннее состояние, свои эмоции, интеллект, свое отношение к предметному и не-предметному миру, природе – земной и космической, свои действия, свои отношения к другому человеку» (Арутюнова 1999: 3).

В лингвистической, этнографической, философской литературе существует множество работ, посвященных разным аспектам «темы человека»¹, однако, как совершенно справедливо отмечает С.М. Толстая, «ощущается явный недостаток обобщений и теоретического осмысления темы» (Толстая 2018: 7). Объясняется это, по-видимому, сложностью этой темы, так как «с трудом можно представить себе не только когнитивную дефиницию этого исключительно сложного и разнопланового понятия, но даже и просто удовлетворительное лексикографическое толкование слова *человек* во всем объеме его значений, употреблений и коннотаций. Вот почему мы говорим сейчас только о подступах к человеку» (Там же).

Разделяя это мнение С.М. Толстой, мы полагаем, что для верификации идеи В.И. Даля необходимо изучить, с одной стороны, названия самого человека, а с другой – названия окружающего его мира (причем как реального, так и идеального – мира его представлений и понятий),

---

¹ См., например, из последних следующие работы: С.М. Толстая «Мир человека в зеркале языка» (М., 2019), «Образ человека в языке и культуре» (М., 2018), «Антропоцентризм в языке и культуре» (М., 2017), «Категория родства в языке и культуре» (М., 2009), Т.И. Вендина «Средневековый человек в зеркале старославянского языка» (М., 2002), «Человек. Философско-энциклопедический словарь» (М., 2000), «Логический анализ языка. Образ человека в языке и культуре» (М., 1999), С.Е. Никитина «Человек и социум в народных профессиональных текстах (лексикографический аспект)» М., 1999 и др.

который познается им и осваивается в процессе языкотворческой деятельности. Такой подход позволит взглянуть на человека в двух ракурсах одновременно: и как на субъекта (воспринимающего, осмысляющего и оценивающего мир), и как на объект (который сам воспринимается и оценивается другими и служит объектом номинации). В первом случае мы сможем увидеть и понять, как человек воспринимает окружающий мир, что привлекает в нем его внимание, требуя своего обозначения в языке. Во втором – то, как человек воспринимает и осмысляет себя как индивида («я») в своем сообществе людей («я» и «мы»). Ведь человек – это «существо, наиболее известное самому себе в своей эмпирической известности и наиболее трудноуловимое в своей сущности средствами обычного формального дефинирования» (ЧФЭС: 5).

Думается, что при таком подходе человек традиционной духовной культуры предстанет перед нами в виде постепенно раскрывающегося «текста», или, лучше, «как слово – элементарная составляющая текста. Это – его структура – оказывается смысловой, лингвистической... Сам человек по своей сути оказывается языком так же, как языком оказываются все человеческие взаимоотношения, так как через язык они раскрываются, в языке – носителе смыслов – они созревают» (Налимов 1989: 168). В этом случае мы сможем хотя бы в самом общем виде понять человека «изнутри», представить его жизнь, взглянуть на мир его глазами, выявить особенности видения этого мира, составить представление о его жизни и ценностях. Ведь погружаясь в лексические глубины того или иного языка, исследователь переживает своеобразный «эффект присутствия»: он видит реально, что было «зачерпнуто» и как было «ухвачено» языком это знание о мире, ибо «языковой характер нашего опыта мира предшествует всему, что мы познаем и высказываем в качестве сущего..., а все то, что является предметом познания и высказывания, всегда окружено мировым горизонтом языка» (Гадамер 1988: 520).

Такой подход к диалектному слову позволит эксплицировать языковую личность в ее языкотворческом акте, поскольку в этом случае реальной величиной «оказывается не “язык” в отвлечении от человека, а только человек как носитель языкового мышления» (Бодуэн де Куртенэ 1963: 182).

Анализ материала мы предполагаем вести в двух направлениях в соответствии с двумя аспектами, традиционно выделяемыми в социологии, которая, следуя еще аристотелевской традиции, рассматривает человека – субъекта деятельности и носителя сознания в двух планах – как организм и как личность.

Человек как организм (или «природный человек») предстает в виде совокупности его телесных и материальных свойств, генетически унаследованных от родителей и претерпевших лишь некоторые изменения в процессе его жизненной эволюции.

Человек как личность рассматривается как социокультурный индивид, как субъект – носитель сознания и самосознания. Эта группа имен описывает, с одной стороны, психологические особенности человека, определяющие его индивидуальность (в единстве эмоционального и интеллектуального начал), а с другой – социальные, указывающие на его социальную роль и опыт деятельности в обществе. Поэтому «человек получает в языке множество различных обозначений. Он может быть назван по своим общественным функциям, взглядам, моральному облику, нравственным склонностям и вкусам, по своим поступкам и поведению, семейному статусу, родовым связям, внешнему виду, участию в тех или иных событиях и происшествиях, отношению к нему говорящего и многому другому» (Арутюнова 1976: 347).

Среди имен, называющих человека, условно можно выделить две семантические группы: идентифицирующие и характеризующие. Идентифицирующие имена призваны «выделять» или «удостоверять» человека среди других, окружающих его людей, они, как правило, стилистически нейтральны и эмоционально не окрашены (ср. *батюх* Орл.; *батюш* Калуж., Ворон., Нижегород.; *батяка* 'отец' Дон., СРНГ 2: 150; *матерь* Волог., Беломор., Арх., Новг., Ленингр., Пск.; *матика* 'мать' Твер., Пск., Калуж., Смол., Мурман., СРНГ 18: 29; *дедай* Том.; *дедан* 'дедушка' Твер., СРНГ 7: 205; *деданя* 'бабушка' Ряз., Тул., СРНГ 7: 205; *падочка* 'падчерица' Ворон., СРНГ 25: 135; *врачель* 'врач' Пск., СРНГ 5: 188; *глинотоп* 'гончар' Твер., Перм., СРНГ 6: 198; *коваль* 'кузнец' Твер., Пск., Новг., Ленингр., Ряз., Арх., Клуж., Тул., Курск., Орл., Брян., Смол., Ворон., Дон, Урал., Том., СРНГ 14: 25; *ловец* 'рыбак' Твер., Пск., Новг., Арх., Ленингр., Олон., Север., Урал, СРНГ 17: 100; *наставник* 1) 'школьный учитель' Арх.; 2) 'священник' Литв., Латв., СРНГ 20: 184; *оружейник* 'охотник' Перм., СРНГ 23: 347; *пахальщик* 'пахарь' Твер., СРНГ 25: 286; *пахарь* 'плотник, которого нанимают к началу весенней вспашки' Яросл., СРНГ 25: 286; *пушнарь* 'скорняк' Курск., СРНГ 33: 175; *пчелинец* 'пчеловод' Саратов. Пенз., Нижегород., Ряз., Ворон., Кубан., СРНГ 33: 180 и др.). Именно эти имена говорят о социальном статусе человека и отвечают на вопрос «Кто он?» и «Что он делает?».

Характеризующие имена имеют иное назначение: они передают отношение окружающих, оценивающих человека по особенностям его внешнего облика, чертам характера, поведению в обществе и т.д. Они, как

правило, стилистически окрашены и имеют ярко выраженный экспрессивно-оценочный характер (ср. *невзора* 'невзрачный, неказистый человек' Горьк., СРНГ 20:241; *завалень* 'увалень' Волог., СРНГ 9: 292; *неповорот* 'неуклюжий человек' Арх., Влад., СРНГ 21:112; *дранощепина* 'очень худой и высокий человек' Курган., Свердлов., СРНГ 8:173 и др.). Именно эти имена дают ответ на вопрос, «Какой он?». Особенно много характеризующих имен при обозначении «природного» человека, т.е. человека как существа физического.

ЧЕЛОВЕК КАК СУЩЕСТВО ФИЗИЧЕСКОЕ

Среди огромного множества имен, обозначающих «природного человека», выделяются следующие наиболее заметные группы:

- 1) слова, характеризующие физические особенности человека по его наследственным признакам, рисующие своеобразный «портрет» человека;
- 2) слова, указывающие на состояние здоровья человека, а также на его физическую ущербность;
- 3) слова, характеризующие человека по возрастному признаку;
- 4) слова, указывающие на склонности и привычки человека, обусловленные его психо-физиологическими особенностями и воспитанием.

Среди них самую многочисленную группу имен образуют слова, описывающие внешность человека, его **физические особенности** (внешний вид, особенности его фигуры, телосложения, формы и цвета глаз, длины и цвета волос и др.). Все эти слова обладают, как правило, повышенной оценочностью и экспрессивностью.

В тематическом распределении имен, связанных с обозначением внешнего вида человека, наблюдается следующая интересная особенность: большая часть их связана с наименованиями лица. Это объясняется, по-видимому, тем, что именно лицо служит общим выражением моральной идентичности человека, поскольку оно во многом проясняет его характерологические свойства. Не случайно с этим корнем связаны такие важные культурологические понятия, как *личность*, *приличие*, *приличествовать*, *личина*, *не к лицу*, *лицемер*, *лицемерие*, *лицеприятный*, *лицетворять* и др.; ср. также пословицы: *не гляди на лицо, а гляди на обычай*; *не пригож лицом, да хорош умом* и др.

Знаменательно, что и в истории слова *личность* победила апелляция именно к *лицу*, а не к *персоне* или *особе*, хотя такой путь развития также был возможен (подробнее см. Виноградов 1999: 271), что говорит о том, что именно лицо являлось символом самоидентичности человека, его

внутренней неделимости, целостности и индивидуальной неповторимости. Интересно, что с личной идентичностью и в прошлом устойчиво связывались этические нормы русской культуры (ср. в др.-рус. языке: **к лицу** 'пристойно', **лическы** 'прилично' СРЯ XI-XVII 8: 252 или современные выражения: *не к лицу, приличия, обличать*, т.е. вскрывать, выявлять истинную сущность чего-л. (в том числе и человека), скрытую под маской приличия), отсюда стремление человека *не потерять своего лица, не ударить в грязь лицом*, что говорит о значимости идеи личной идентичности для языка русской культуры².

Причем в этих названиях **на первый план выходит эстетическая оценка** (ср. *лицеватый* 'красивый' Яросл., СРНГ 17: 85; *лицевитый* 'видный, красивый' Ряз., Калуж., Тамб., Яросл., СРНГ 17: 85; *лицевато* 'красиво' Костром., СРНГ 17: 85). При этом в восприятии человека выделяется несколько аспектов осмысления его красоты – чувственный (визуальный), этический, социальный и даже сакральный.

Чувственное восприятие «прекрасного» и «безобразного», пожалуй, лучше всего «проработано» в диалектном лексиконе. Красивый человек в представлении традиционного языкового сознания – это прежде всего человек «видный», заметный с первого взгляда (ср.: *взглядный* 'видный, красивый' Пск., Твер., СРНГ 4: 254; *взглядистый* 'красивый, представительный' Брян., Смол.: *Парень взглядист* СРНГ 4: 254; *взрачный* 'красивый' Даль без указ. места, I: 200; *добровидный* 'миловидный, имеющий приятную наружность' Олон., СРНГ 8: 77; *милозглядный* 'привлекательный, миловидный' Яросл., СРНГ 18: 162; *казимый* 'красивый' Перм., СРНГ 12: 319 (< прич. от глагола *казить* 'иметь вид'); *оказистый* 'видный, красивый' Север., СРНГ 23: 106 (< *оказ* 'внешний вид' Олон., СРНГ 23: 106); *позорный* 'видный, красивый' Южн., Зап., Арх.: *Позорная девка* СРНГ 28: 338).

Характерно, что названия некрасивого человека также соотносятся с этими корнями, но с префиксами *не-* или *без-*, поскольку некрасивый человек – это человек «невидный» (ср. *невидкой* 'неказистый, невзрачный' Калуж., СРНГ 20: 343; *невзглядный* 'неприглядный, неказистый (о

² Интересно, что В.И. Даль в своем словаре дает такой комментарий в словарной статье *лицо*: «Лицо человека представитель высших духовных даров: лоб – небесная любовь; глаза – разуменье, разумное созерцанье; уши – пониманье и послушанье; нос – постижение добра; щеки – постижение духовных истин; рот – мысль и ученье; губы – духовная хвала; борода – внешность ученья и проч.» (Даль II: 263).

наружности)' Калуж., Тамб., Смол., Влад., Пск., СРНГ 20: 338; *невзглядывый* 'невзрачный, неказистый' Калуж., СРНГ 20: 338; *незрачный* 'невзрачный, непривлекательный' Влад., Арх., Перм., Костром.: *По-вашему пусть худенькая, а по-нашему – невзрачная* СРНГ 21: 53; *неказимый* 'некрасивый' Ветл., Костром., СРНГ 21: 57; *неприглядчивый* 'некрасивый' Костром., СРНГ 21:126; *безвидный* 'невзрачный, неказистый' Перм., СРНГ 2: 182 и др.).

Красота человека оценивается и с витальной точки зрения, так как красивый – это прежде всего здоровый человек (ср. *красёха* 'красивая, здоровая женщина' Пск., СРНГ 15: 174; *красень* 'красавец, здоровяк' Арх., СРНГ 15: 174; *красик* 'здоровый, румяный, красивый человек' Ряз., Волог., Олон., СРНГ 15: 175; *красивый* 'красивый, здоровый, видный собой' Пск., Твер., СРНГ 15: 173; *красный* 'здоровый, полный сил человек' Волог.: *Ой, она и красна, здорова* СВГ 3: 120; *мазёха* 'красивая, здоровая женщина' Олон., СРНГ 17: 296; *прекрасный* 'здоровый, крепкий' Новосибир.: *Выходит так: жена прекрасная, а он уж износился* СРНГ 31: 83) и, кроме того, молодой (ср. *молодица* 'молодая, красивая женщина' Твер., СРНГ 18: 224). Некрасивый же человек – это человек невзрачный, хилый, тщедушный, болезненный (ср. *мухрый* 'невзрачный, хилый' Сиб., СРНГ 19: 40; *мухорный* 'невзрачный' Свердлов.: // 'хилый, тщедушный, болезненный' Перм., Свердлов., Забайкал., СРНГ 19: 38; *небравый* 1) 'некрасивый, неказистый' Перм., Краснояр.; 2) 'нездоровый, болезненный' Перм., СРНГ 20: 322; *некошной* 1) 'некрасивый' Волог., Арх.; // 'некрасивый из-за худобы, болезненности' Арх.; 2) 'хилый, болезненный' Новг., Костром., Север., Сибир., СРНГ 21: 63) и к тому же нередко старый (ср. *коржевица* 'безобразный человек, особенно о стариках' Арх., Север., СРНГ 14: 329 (< *коржить* 'смердеть' Даль II: 164).

Наряду с созерцательным, чувственным восприятием красоты и безобразия, в традиционной духовной культуре существует и иное их восприятие, когда они осмыслиются в этических категориях (ср.: *баской* 1) 'красивый, хороший' Олон., Сиб., Кольск.; 2) 'вежливый, приветливый' Ярослав., СРНГ 2: 133; *добристый* 'красивый' Олон., СРНГ 8: 76; Волог., СВГ 2: 30; *гожий* 'пригожий' Тамб., Симб., Свердлов., Саратов., Самар., Оренб., Курган., Орл.; // 'порядочный' Север., Тамб., Пск., Горьк., СРНГ 6: 278; *погожий* 'красивый' Калуж.; // 'хороший, добрый' Ульянов.: *Погожий – это умный, порядочный человек* СРНГ 27: 301; *клевый* 'красивый, статный, дородный' Твер., Ряз., Костром., Волог., Калуж., Тамб.; // 'хороший, стоящий о человеке' Тул., СРНГ 13: 273; *кложий* 'статный, красивый, видный' Волог., Ярослав., Олон., Ленингр., Влад., Костром., Ка-

луж.://‘честный, порядочный’ Олон., Ленигр., СРНГ 13: 318; *пристойный* ‘красивый’ Калуж.: *Какая у вашего Вовки пристойная барышня, любодорого глянуть, и вежливая такая, пройдет, поздоровается, улыбнется и вся зардеется, ай, какая хорошая* СРНГ 31:418).

Причем если красота связывается с добротой, честностью, порядочностью человека, то безобразие – с его глупостью, неуживчивостью, беспутностью (ср. *дурносон* 1) ‘некрасивый человек’ Курск.; 2) ‘глупый, бестолковый человек, дурак’ Яросл., СРНГ 8: 271; *неловкий* 1) ‘некрасивый’ Арх.; 2) ‘неуживчивый, своенравный, дурной’ Перм., Арх., Сев.-Двин., Моск., СРНГ 21: 73; *немудрый* ‘некрасивый, невзрачный’ Твер., Арх., Олон., Новг., Пск., Перм., Том., Сиб., Тул.: *Ен был такой немудрый, рыженький, в веснушках весь* СРНГ 21: 89; *непоратый* 1) ‘некрасивый’ Влад., Новг.; 2) ‘плохой, неумный’ Влад., Новг., СРНГ 21: 119; *неудельный* 1) ‘некрасивый’ Ряз.; 2) ‘беспутный’ Орл., Яросл., СРНГ 21: 189; *незора* 1) ‘неказистый, невзрачный человек’ Горьк.; 2) ‘человек с замкнутым характером’ Горьк.; //‘надменный человек’ Казаки-некрасовцы, СРНГ 20: 341; *плохой* 1) ‘некрасивый, невзрачный’ Ряз.; 2) ‘глупый, беззаботный’ Твер., Пск., ср. *Идти по плохой пути* ‘вести беспутную жизнь’ Горьк., СРНГ 27: 157; *невлюдный* ‘неказистый, плохой’ Брян., СРНГ 20: 346 и т.д.).

Наряду с общими наименованиями внешности человека, в диалектах имеется множество конкретизирующих имен, относящихся непосредственно к лицу человека, в которых актуализируются такие признаки, как цвет лица, его форма, особенности его выражения, наличие каких-либо особых примет и др. (ср. *беляна* ‘белолицая девушка, женщина’ Южн. Сиб., Волог., Костром., СРНГ 2: 240; *белянка* ‘белолицый человек’ Волог., Костром., Перм., СРНГ 2: 240; *беленушка* ‘девушка, отличающаяся белизной лица’ Новг., СРНГ 2: 239; *беляюшка* ‘белолицый человек’ Арх., СРНГ 2: 241; *белиха* ‘прозвище белолицей девушки’ Новг., СРНГ 2: 241; *беляк* ‘ребенок, имеющий очень белый цвет лица’ Костром., СРНГ 2: 240; *бурыш* прозвище человека с бурым лицом Новг., СРНГ 3: 301; *огарыш* ‘об очень смуглом человеке’ Пск., Горьк., Арх., Вят., Енис., Вост.-Казах., СРНГ 22: 312; *огарышень* ‘смуглый человек’ Твер., СРНГ 22: 312; *варакуша, варакушка* ‘смуглый человек’ Ряз., Влад., СРНГ 4: 43 (< *варакать* ‘пачкать, грязнить’ Нижегород., Иван., Твер., Саратов., СРНГ 4: 42); *черныш* ‘смуглый человек’ Даль без указ. места, IV: 594; *личман* ‘человек с широким круглым лицом’ Перм., СРНГ 17: 88; *лупанья* ‘о человеке с широким полным лицом’ Волог., СРНГ 17: 199; *лупета* ‘о человеке с круглым широким лицом’ Свердлов., Ср.Урал, СРНГ 17: 200; *мордан* ‘человек с полным, толстым лицом’ Арх., Горьк., Калуж., Ряз.; // ‘круглоли-

дый человек' Арх., Ворон., СРНГ 18: 258; *мордач* 'человек с большим полным лицом' Горьк., СРНГ 18: 258; *мордотрѣп* 'о человеке с полным лицом' Смол., СРНГ 18: 260; *красняк* 'о краснощеком человеке' Ряз., Том., СРНГ 15: 196; *рябок* 'человек со следами оспы на лице' Забайкал., Ч: 476; *ораник* 'человек с изрытым оспой лицом' Олон., СРНГ 23: 327; *корявка* 'женщина с испорченным оспой лицом' Яросл., СРНГ 15: 40; *пегач* 'о человеке с рябым лицом' Пск., Твер., СРНГ 25: 312; *вешнёватый* 'веснушчатый' Влад., СРНГ 4: 223; *коноплястый* 'веснушчатый' Петерб., Пск., Курск., СРНГ 14: 267; *корявый* 'веснушчатый' Арх., СРНГ 15: 40; *насувора* 'человек с хмурым лицом' Курск., СРНГ 20: 204; *насупа* 'человек с хмурым, насупленным лицом' Казан., СРНГ 20: 205; *мордофоня* 'о человеке с суровым, сердитым лицом' Пск., Твер., СРНГ 18: 260; *косо-ротка* 'человек с перекошенным лицом' Орл., СРНГ 15: 68 и т.д.).

Кроме собственно лица, при характеристике внешнего вида человека объективируются также такие признаки, как:

– **форма и цвет глаз**, ср., например, названия человека с большими глазами (*большеглаз* Пск., Твер., СРНГ 3: 88; *волыглаз* Пск., Твер., СРНГ 5: 82; *вытарасок* 'пучеглазый человек' Иркут., Сиб., СРНГ 6: 38; *глазастик*, *глазатик* 'человек с большими навывкате глазами' Пск., Твер., СРНГ 6: 186; *глазолуп* Костром., СРНГ 6: 190; *глазун* Костром., Нижегород., СРНГ 6: 191; *лупоглаз* 'человек с глазами навывкат' Твер., СРНГ 17: 202; *лупыч* 'лупоглазый мужчина' Калуж., СРНГ 17: 203; *лупанда* 'лупоглазый человек' Влад., СРНГ 17: 198; *пучеглаз* 'человек, имеющий большие выпученные глаза' Вят., СРНГ 33: 166; *шароглазник* 'человек с большими навывкате глазами' Перм., Ч: 510; *белокон* 'прозвище белоглазого человека' Новг., СРНГ 2: 220; *кареглазочка* 'кареглазая девушка или женщина' Иркут., СРНГ 13: 86); или человека, страдающего косоглазием (*косогляд* Курск., СРНГ 15: 63; *косуля* 'косоглазый человек' Твер., Пск., Саратов., Вят., Перм., СРНГ 15: 91; *косуха* Орл., Бахвалова, 199: 194; *косушка* Свердлов., СРНГ 15: 92; *косыга* Яросл., СРНГ 15: 92; *косыня* Твер., Пск., СРНГ 15: 94; *кривуля* 'косоглазый человек' Твер., Пск., СРНГ 15: 250; *кривошарка* 'косоглазая женщина' Урал, СРНГ 15: 247; *косоглазка* Ворон., СРНГ 15: 63 и т.д.);

– **особенности взгляда**, ср. *вертоглазик* 'прозвище быстроглазого человека' Орл., СРНГ 4: 154; *мизюкало* 'человек, имеющий привычку моргать' Вят., СРНГ 18: 156; *моргач* 'о человеке, который часто моргает глазами' Костром., Горьк., СРНГ 18: 256; *моргунок* 'человек, имеющий привычку часто моргать' Тул., СРНГ 18: 257; *мигун* 'тот, кто мигает,

подмигивает' Нижегород., Волог., Пск., Вят., СРНГ 18: 153; *живоглядник* 'тот, кто обладает живым, быстрым взглядом' Олон., СРНГ 9: 153;

– **размер и форма головы или лба**, ср., например, названия **человека с большой головой** (*голован* Арх., Волог., Онеж., Помор., СРНГ 6: 301; *голованец* Новг., СРНГ 6: 302; *головастик* Орл., СРНГ 6: 302; *башиора* 'прозвище большеголового человека' Новг., СРНГ 2: 166); или **человека с большим высоким лбом** (*лобарь* 'большелобый человек' Курск., СРНГ 17: 94; *лобатик* Пск., Твер., Смол., СРНГ 17: 94; *лобач* 'крутлобый человек' Вост.-Казах., СРНГ 17: 95; *лысгач* 'о человеке с большим из-за лысины лбом' Тамб., СРНГ 17: 223);

– **размер и форма носа**, ср., например, названия **человека с большим носом**: *дубонос* Пск., Твер., СРНГ 8: 239; *вислоносик* Орл., СРНГ 4: 296; *ноздрык* Орл., Бахвалова 1996: 196; *носан* Влад., Горьк., Горн.-Алт., СРНГ 21: 286; *носарь* Тобол., Киргиз., СРНГ 21: 286; *носыря* Твер., СРНГ 21: 294; *носольвь* 'о человеке с длинным тонким носом' Ворон., СРНГ 21: 293; *носорог* 'о человеке с очень длинным носом' Волог., СРНГ 21: 293; а также: *кривоносик* 'прозвище человека с кривым носом' Орл., СРНГ 15:246; *курносик* 'о курносом человеке' Калуж., СРНГ 16: 137; *курнопятка* 'о курносовой женщине' Ряз., СРНГ 16: 137 (< *курнопятый* 'курносый' Ряз., СРНГ 16: 137); *курнофей* 'курносый человек' Забайкал., Нижегород. Влад., СРНГ 16: 137; *карноносый* 'о человеке с коротким носом' Зап.-Брян., СРНГ 13: 98;

– **форма рта и губ**, ср., например, *криворотка* 'о человеке с кривым ртом' СРНГ без указ. места, 15: 247; *кособрылка* 'человек с перекошенным ртом' Перм., СРНГ 15: 61; *косоротец*, *косоротик* 'о криворотом человеке' Пск., Свердлов., СРНГ 15: 68; *брилан* 'прозвище человека с толстыми, отвислыми губами' Волог., Новг., Костром., СРНГ 3: 180 (< *брила* 'губа' Тул., Новг., Сев.-Двин., Волог., Костром., Нижегород., СРНГ 3: 180); *грибан* 'человек с толстыми губами' Пск., СРНГ 7: 140 (< *гриба* 'губа' Пск., Твер., Смол., Брян., СРНГ 7: 140); *губарь* Дон., СРНГ 7: 193; Орл., Бахвалова, 1996: 196; *губошлеп* Орл., Бахвалова, 1996: 196; *ротан* Орл., Бахвалова, 1996: 196; *разгриба* 'человек с отвислыми губами' Пск., Твер., СРНГ 33: 314; *губощап* 'человек с небольшими резко очерченными губами' СРНГ без указ. места, 7: 129;

– **размер зубов или их отсутствие**, ср., например, названия человека с крупными зубами: *зубан* Моск., Куйбыш., СРНГ 11: 356; *зубарь* Калуж., СРНГ 11: 357; Орл., Бахвалова 1996: 196; *зубастик* Пск., Твер., Костром., СРНГ 11: 357; *зубака* 'прозвище человека с чересчур большими зубами' Орл., СРНГ 11: 356; *долгозубка* 'прозвище женщины с длинными зубами' Волог., СРНГ 8: 107; *костозубый* 'имеющий крупные, вы-

ступающие вперед зубы' Твер., СРНГ 15: 77; а также *щерба* 'беззубый человек' Новосиб., Ч: 512;

– **размер и форма ушей**, ср., например, названия человека с большими ушами: *ухач* Дон., Ч: 501; *ушан* Яросл., Ч: 501; *ушастик* Орл., Бахвалова 1996: 196; *облоухий* Курск., Пск., Смол, Ворон., Тул., СРНГ 22: 110; а также *карнаушка* 'человек без уха' Нижегород., Чкал., Смол., Свердл., СРНГ 13: 95; *косоух* 'о человеке с несимметрично расположенными ушами' Ворон., СРНГ 15: 70;

– **наличие бороды или усов**, ср., например, следующие названия: *бородан* 'человек с большой бородой' Калинин., Влад.; // 'молодой человек, у которого начинает расти борода' Влад., СРНГ 3: 110; *бородуйка* 'мужеподобная женщина' Перм., СРНГ 3: 112; *бородуля* 'то же' Новг., СРНГ 3: 112; *усан усач* Даль без указ. места, IV: 517; а также *голомызый* 'безбородый' Влад., Курск., СРНГ 6: 320; *голобрылый* 'безусый' СРНГ без указ. места, 6: 298.

При описании внешнего вида человека объективируются также такие визуальные признаки, как наличие/отсутствие **волос**, их цвет, длина, качество и т.д., ср., например, следующие названия:

– **лысый человек**: *лысан* Новг., Свердл., СРНГ 17: 222; *лысун* Перм., СРНГ 17: 225; *плексан* Южн.Сиб., Олон., Сев.Двин., Арх., Волог., Север., Твер., Новг., СРНГ 27: 134; *пleshач* Арх., СРНГ 27: 137; *пleshан* Перм., Пск., СРНГ 27: 136; *пleshко* Индигирка, СРНГ 27: 138; *остриг* 'человек с лысиной' Забайкал., СРНГ 24: 79; *голомысый* 'безволосый или с очень редкими волосами' Курск., Орл., СРНГ 6: 320;

– **кудрявый человек**: *кудреван* Олон., СРНГ 16: 13; *кудреванко* Онеж., СРНГ 16: 13; *кудреватик* Костром., СРНГ 16: 13; *кудрявец* Байкал., Яросл., СРНГ 16: 14; *кудряш* Новг., Твер., Яросл., Пск., Влад., Краснояр., СРНГ 16: 15; *кудрянушка* Твер., СРНГ 16: 15; *кудряшка* Новг., Костром., СРНГ 16: 16; *кучерявец* Зап.Брян., СРНГ 16: 189; *кучерявчик* Курск., СРНГ 16: 89;

– **длинноволосый человек**: *волосатик* Терск., СРНГ 5: 58; *волосяник* Пск., СРНГ 5: 63; *волосястик* Пск., СРНГ 5: 64; *волосогривица* Амур., СРНГ 5: 62; *волосуха* 'женщина с длинной густой косой' Нижегород., СРНГ 5: 63; а также *волосатка* 'заросший волосами человек' Пск., Арх., СРНГ 5: 58; *мохнач* 'человек с густыми волосами' Нижегород., Арх., Курск., СРНГ 18: 310;

– **короткоостриженный человек**: *обстриженец* Пск., Твер., СРНГ 22: 239; *остриженец* Пск., Твер., СРНГ 24: 79; *обстриженник* Пск.,

Твер., СРНГ 22: 239; *обстрига* Пск., Твер., СРНГ 22: 239; *острига* Пск., Твер., СРНГ 24: 79;

– **косматый, непричесанный человек:** *вохлач* Калуж., Пск., Твер., СРНГ 5: 164; *вохлюк* Новг., СРНГ 5: 164; *вохляк* Пск., СРНГ 5: 164 (< *вохлы* ‘длинные, всклокоченные волосы, космы’ Пск., СРНГ 5: 164); *вихратик* Орл., Бахвалова, 1996: 199; *космач* Орл., Бахвалова, 1996: 199; *космяк* Арх., СРНГ 15: 57; *косматка* ‘о человеке с длинными, растрепанными волосами’ Арх., Яросл., Пск., Ряз., Калуж., Том., СРНГ 15: 56; *косматуха* Амур., Иркут., СРНГ 15: 56; *косматывка* Волог., СРНГ 15: 56; *косматюга* Ворон., СРНГ 15: 56; *космуля* Горьк., Куйбыш., СРНГ 15: 57; *космыля* Вят., СРНГ 15: 56; *кудлатка* Кемер., Том., СРНГ 16: 12; *кудлашка* Сиб., СРНГ 16: 12; *кочеватик* Волог., СРНГ 15: 123 (< *кочеватый* ‘покрытый кочками’ Костром., Арх., СРНГ 15: 123); *кудлай* Курск., СРНГ 16: 12; *кудлатик* Орл., Бахвалова, 1996: 199; *лохмак, лохмарик, лохмач* Орл., Бахвалова, 1996: 199; *лохман* Пск., Твер., Смол., СРНГ 17: 160; *неучес* Тобол., СРНГ 21: 200; *нечеса* Тамб., Пск., Курск., Яросл., СРНГ 21: 206; *ошметок* Костром., СРНГ 25: 85; *охлуша* Пск., СРНГ 25: 37; *пуклатик* Орл., Бахвалова, 1996: 199; *притрепа* Даль без указ. места, III: 454 (< *притрепать* ‘плохо причесаться’); *трепутина* Арх., Даль, IV: 428; *хохлач, хохляк* Даль без указ. места, IV: 563; *хухряй* Калуж., Даль, IV: 569 (< *хухрить* ‘клочить’ Новг., Даль IV: 569); *шершавень* Даль без указ. места, IV: 630; *шимоволос* Олон., Даль IV: 633 (< *шима* ‘космы’ Олон., Даль, IV: 633);

– **белокурый человек:** *белоголовик* Перм., Свердл., Пск., СРНГ 2: 217; *белун* Орл., Бахвалова, 1996: 198; *белужина* Новг., СРНГ 2: 228; *белуха* Ср.Урал, СРНГ 2: 229; *белыш* Арх., Перм., СРНГ 2: 234; *беляк* Орл., Бахвалова 1996: 198; *белянчик* СРНГ без указ. места, 2: 240; *беляюшка* Арх., СРНГ 2: 241; *дымок* Орл., Бахвалова 1996: 198; *белобрыська* ‘прозвище белокурого человека’ Орл., СРНГ 2: 216; *белко* ‘прозвище ребенка с белыми волосами’ СРНГ 2: 215; *беляшка* ‘белокурая девочка’ Ворон., СРНГ 2: 241; *белобрыска* ‘блондинка’ Пск., Твер., СРНГ 2: 216; *белокоска* ‘прозвище русоволосой девушка’ Новг., СРНГ 2: 221; а также *русявый* ‘русый’ Дон., Ч: 475; *седобрысый* ‘белобрысый’ Яросл., Ч: 471;

– **темноволосый человек:** *завороньш* Арх., Пск., СРНГ 9: 338; *цыганок* Орл., Бахвалова, 1996: 198; *карака* Ворон., СРНГ 13: 70 (< *карый* ‘карий’ о масти лошади Самар., Терск., Новорос., Влад., СРНГ 13: 111); *жгушка* ‘об очень темной брюнетке’ Моск., СРНГ 9: 93;

– **рыжеволосый человек:** *красноголовик* Калинин., СРНГ 15: 180; *красняк* Ворон., СРНГ 15: 196; *рыжак* Орл., Бахвалова 1996: 198; *красноволоска* Арх., СРНГ 15: 180; *рыжачка, рыжуха* Орл., Бахвалова 1996:

198; Амур., Ч: 475; *лисавка* 'девушка с рыжими волосами' Южн.-Сиб., СРНГ 17: 61; *вешкарь* 'прозвище рыжеволосого человека' Новг., СРНГ 4: 222; *веснуха* 'человек с рыжими волосами' Свердлов., СРНГ 4: 187;

– **седой человек**: *седуля* Калинин., СРНГ 37: 118; *седыш* Вят., СРНГ 37: 119; *седуха* Моск., СРНГ 37: 119; *пеганка* Забайкал., СРНГ 25: 312; *лунёвый* 'седой' Пск., Тамб., СРНГ 17: 194.

Из других тематических групп лексики, широко представленных в семантическом поле «Внешний вид человека», выделяются названия, характеризующие **человека по особенностям его фигуры, телосложения**. Это семантическое пространство обладает также высокой степенью расчлененности, так как с помощью лексико-словообразовательных средств объективируются такие признаки, как:

– **рост** человека, этот признак маркируется чаще всего, ср., например, названия **человека высокого роста**: *адамина* Симб., Тамбов., СРНГ 1: 205; *адамище* Саратов., Тамбов., СРНГ 1: 205; *балбесина* Пск., Твер., СРНГ 2: 78; *большеган* Новг., СРНГ 3: 88; *большун* 'мальчик высокого роста' Курск., Ворон., Южн.-Сиб., СРНГ 3: 93; *великанец* 'человек высокого роста' Арх., СРНГ 4: 107; *виследь* Пермь., Ср. Урал, СРНГ 4: 296; *висляй* Дон., СРНГ 4: 297; *висоижар* 'то же' Орл., Бахвалова, 1996; *верзил* 'очень высокий человек' Урал., СРНГ 4: 146; *высокуша* СРНГ без указ. места, 6: 26; *гайдук* Курск., СРНГ 6: 97; *гайдучина* 'человек очень высокого роста' Смол., СРНГ 6: 97; *долгарь* Волог., Арх., СРНГ 8: 103; *долган* Южн.-Сиб., Перм., СРНГ 8: 104; *долготина* Ср.Урал., СРНГ 8: 108; *долтес* Волог., СРНГ 8: 112; *долгуша* Арх., СРНГ 8: 109; *доль* Енис., СРНГ 8: 113; *коняка* Кубан., СРНГ 14: 279; *лешак* Перм., Зап., СРНГ 17: 30 (< *леший* 'о рослом, высоком человеке' Перм., Урал., Волог., СРНГ 17: 33); *лобашан* Влад., СРНГ 17: 95; *лосяк* Вят., СРНГ 17: 155; *лосман* 'долговязый, неповоротливый человек' Влад., Перм., СРНГ 17: 153; *мужсланюга* 'высокорослый мужчина' Пск., Твер., СРНГ 108: 335; *мужсло* Пск., Твер., СРНГ 108: 335; *нагиба* 'человек очень высокого роста' Арх., Свердлов., СРНГ 19: 197; *протягальень*, *протягалина*, *росля* Орл., Бахвалова, 1996: 196; *поднебина* 'человек очень высокого роста' Забайкал., Ч: 428; *столбун* 'то же' Забайкал., Ч: 492 и т.д.

Нередко этот признак совмещается с другими атрибутивными признаками, в результате чего появляются такие характеризующие названия, как:

– **человек высокого роста и худой**, причем преимущественно они относятся к мужчинам, ср. *вихляй* Ряз., Волог., СРНГ 4: 304; *видалина* 'высокий, тонкий человек, бросающийся в глаза' Пск., СРНГ 4: 273; *видилина*

Пск., СРНГ 4: 274; *голенастик* Пск., СРНГ 6: 290 (< *голенастый* 'худощавый' СРНГ без указ. места, 6: 290); *голендяй* Пенз., СРНГ 6: 290; *голеняй* Курск., СРНГ 6: 291; *долыбало* Олон., СРНГ 8: 114; *дранощепина* Курган., Свердл., СРНГ 8: 173; *жердак* Ср. Урал, СРНГ 9: 130; *жердан* Тюмен., Ср. Урал, СРНГ 9: 130; *жердило* Яросл., Моск., Костром., Вят., Олон., СРНГ 9: 131; *жердина* Пск., Твер., Волог., Вят., Ср.Урал, СРНГ 9: 131; *жердяй* Тул., Олон., Твер., Север, СРНГ 9: 133; Орл., Бахвалова, 1996; *жидель* Волог., СРНГ 9: 169; *оглоблина* Том., СРНГ 22: 317; *пазгало* Вят., СРНГ 25: 142 (< *пазгать* 'быстро расти' Вят., Волог., СРНГ 25: 143);

– **человек высокого роста и полный:** эти названия чаще характеризуют женщин, так как «оценке по росту и полноте чаще подвергаются женщины, чем мужчины» (Бахвалова 1996: 63): *бабеха* 'большая, дородная женщина' Новг., Курск., Орл., СРНГ 2: 18; *бабец* 'рослая и толстая женщина' Орл., Бахвалова, 1996; *бабун* Брян., СБГ 1: 25; *лосица* 'девушка высокого роста и крепкого телосложения' Орл., Бахвалова, 1996; *огломызда* 'дородная, дебелая неуклюжая женщина' Костром., СРНГ 22: 319; ср. также единичные названия мужчин: *балобан* 'рослый, тучный человек' Костром., Самар.,Сарат., СРНГ 2: 84; *ерыкало* 'долговязый, дородный человек' Пенз., СРНГ 9: 37;

– **человек высокого роста, крепкий и сильный:** *гайдук* 'человек очень высокого роста' Курск., Смол.; // 'богатырь, силач' Южн., СРНГ 6: 97; *дуботолк* Вят., Перм., СРНГ 8: 240; *детинушка* 'молодой рослый и сильный мужчина' Олон., Арх., Костром., Пск., Твер., Перм., Моск., Калуж., СРНГ 8: 39; *загибень* 'человек большого роста, крепкого сложения' Волог., СРНГ 9: 360; *облом* 'человек высокого роста' Курск., Орл., Новг., Костром.; // 'очень сильный человек' Курск., СРНГ 22: 108;

– **человек высокого роста, нескладный и неуклюжий:** *балдовина* 'долговязый, неуклюжий человек' Волог., СРНГ 2: 80; *варлаган* 'очень высокого роста человек, великан' Казан.; // 'высокий, неуклюжий человек' Сарат., Пенз., СРНГ 4: 55; *верзело* Перм.; *верзило* 'высокий и неуклюжий человек' Яросл., Костром., Нижегород., Волог., Арх., Перм., Калуж., Курск., Сарат., Дон, СРНГ 4: 146; *верстуля* 'то же' Липец., СРНГ 4: 149; *долыня* 'высокий, нескладный человек' Твер., Олон., СРНГ 8: 114; *елдомаз* 'человек большого роста, неуклюжий' Влад., СРНГ 8: 338; *лызла* 'долговязый, неуклюжий человек' Вят., Свердл., Краснояр., СРНГ 17: 220; *лызло* 'то же' Вят., Перм., Волог., Беломор., СРНГ 17: 220; *махалязина* 'о женщине высокого роста с нескладной фигурой' Свердл., СРНГ 18: 45; *охлябина* Нижегород., СРНГ 25: 38.

Из других лексем, характеризующих внешний вид человека, можно выделить имена со значением 'маленький, низкорослый'. Это также до-

вольно многочисленная группа лексем, в количественном отношении лишь немногим уступающая предшествующей, ср., например, следующие названия:

– **человек небольшого роста:** *вершок* Орл., Бахвалова, 1996: 196; *дябра* Пск., СРНГ 8: 305; *дябрик* Пск., СРНГ 8: 305; *карапетко* Прикам., СРНГ 13: 75; *карюзлик* Смол., Калуж., Пск., СРНГ 13: 113 (< *карюзлый* ‘небольшого роста’ Калуж., Тамб., СРНГ 13: 113); *королёк* Волог., Арх., СРНГ 14: 361; *коротай* Арх., СРНГ 14: 367; *коротайка* Пск., Твер., СРНГ 14: 367; *коротель* Яросл., ЯОС 5: 71; *коротуха* Арх., СРНГ 14: 370; *коротушка* Арх., СРНГ 14: 370; *коротыга* Яросл., Арх., Свердл., СРНГ 14: 370; *коротышка* Курск., СРНГ 14: 371; *коротяй* Новг., СРНГ 14: 371; *корявичик* Калуж., СРНГ 15: 41; *курузук* Смол., Пск., Калуж., Тул., СРНГ 16: 115; *малек* ‘коренастый, приземистый человек’ Твер., Пск., СРНГ 17: 321; *малеток* Яросл., СРНГ 17: 324; *малеча* Зап.-Брян., СРНГ 17: 325; *маловец* Новг., СРНГ 17: 332; *малозем* Перм., СРНГ 17: 333; *малозейка* Перм., СРНГ 17: 332; *малоземок* Олон., СРНГ 17: 333; *малорос* Забайкал., Ч: 273; *малоросток* Киргиз., СРНГ 17: 337; *малопулька* Томск., СРНГ 17: 337; *малыга* Новг., Яросл., Нижегород., СРНГ 17: 340; *малыган* Нижегород., СРНГ 17: 340; *малоросел* Орл., Бахвалова, 1996: 196; *малючок* Калуж., СРНГ 17: 347; *малык* Новг., СРНГ 17: 348; *невеличка* Влад., СРНГ 20: 331; *недомерок* Волог., СРНГ 21: 25; *недорослик* Ряз., СРНГ 21: 29; *недоростень* Ряз., СРНГ 21: 30; *недоростыш* Пск., Твер., Костром., СРНГ 21: 30; *неуросток* Новг., СРНГ 21: 197; *недопад* Нижегород., СРНГ 21: 27; *недопадок* Горьк., СРНГ 21: 27; *недопарыш* Перм., Свердл., СРНГ 21: 27; *низень* Пск., Твер., СРНГ 21: 225; *нижутка* СРНГ без указ. места, 21: 224; *обрубок* ЯОС 7: 21; *пигиш* Вят., СРНГ 27: 20; *пиговка* Арх., СРНГ 27: 20; *поползень* Яросл., Смол., СРНГ 29: 330; *присядыш* Горьк., СРНГ 9: 32;

– **человек небольшого роста и худой:** *засохлик* ‘маленький сухощавый человек, сморчок’ Пск., СРНГ 11: 50; *каплюжник* Волог., СРНГ 13: 54 (< *капельный* ‘маленький’ Пск., СРНГ 13: 54); *кожан* Смол., СРНГ 14: 50; *мухортик* ‘малорослый и слабосильный человек’ Нижегород., Влад., Твер., Калуж., Курск., Смол., СРНГ 19: 38 (< *мухортенький* ‘малорослый, невзрачный’ Ворон., СРНГ 19: 38); *озубок* Волог., СРНГ 23: 101;

– **человек небольшого роста и толстый:** *карапузина* ‘невысокий человек с большим животом’ Арх., СРНГ 13: 75; *курбатик* Пенз., Симб., Нижегород., СРНГ 16: 113; *кулемка* Вят., СРНГ 16: 58; *огарыш* ‘о толстом, низкорослом человеке’ Твер., Пск., СРНГ 22: 312; *обрубина* ‘о низкорослом, толстом человеке’ Пск., СРНГ 22: 212; *обрубыш* Костром., Арх.,

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Человек в диалектном слове	19
Человек как существо физическое	23
Человек как личность социальная	62
Nomina professionalia	64
Человек и семья	84
Человек и культура социальных отношений	134
Человек в отношении к окружающим и моральным нормам ..	134
Человек в отношении к труду и собственности	182
Nomina nationalia et regionalia	198
Человек как личность духовная	201
Глава 2. Русская природа в диалектном слове	224
Глава 3. Философия диалектного слова	275
Жизнь и Смерть	277
Время	303
Добро и Зло	343
Воля	369
Правда и Истина	384
Дух и Душа	392
Судьба	402
Красота и безобразие	407
Совесть и стыд	423
Терпение и смирение	434
Тоска	443
Труд и работа	451
Слово	474
Любовь и дружба	484
Счастье и радость	512
Знать и ведать	518
Символика цвета	528
Игра	570
Один и един	584
Глава 4. Аксиология диалектного слова	602
Глава 5. Регулятивный принцип языка традиционной культуры ..	638
Заключение	655
Литература	664

Научное издание

Татьяна Ивановна Вендина

АНТРОПОЛОГИЯ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА

Дизайн обложки И. А. Тимофеев

Подписано в печать 21.09.2020. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 42,75
Тираж 500 экз. Заказ № 2525

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

ISBN 978-5-4469-1776-1

9 785446 917761